

25 мая исполнилось пятьдесят дней с того с той даты (5 апреля), когда на полуострове Камчатка были подтверждены два первых случая заражения коронавирусом COVID-19. На пятидесятый день число заболевших новой коронавирусной инфекцией возросло до 658 человек (31 – за последние сутки), из которых 302 пациента проходят лечение в стационарах. 260 человек выздоровели. Для восьми пациентов болезнь закончилась летальным исходом.

Каждая гибель – горе для родных и близких погибшего человека, их эмоции можно понять. И вполне объяснимо возмущение родных Елены Андреевны Попович 1939 года рождения, поступившей в Центр СПИД, где лечат «ковидных» больных, 6 мая, а 17 мая скончавшейся от коронавируса. Им действительно пришлось пройти через многое, свое отношение к назначенному лечению и поведению медперсонала внучка погибшей женщины Алена Александровна изложила в соцсетях и журналистам СМИ. Родные уверены, что принятых медиками мер было недостаточно, а [последние дни](#) женщины прошли в невыносимой обстановке. История получила широкую огласку, нашла живой отклик общественности. Беседовала с Аленой Александровной и автор этой публикации. Спорных моментов в истории, подробно изложенной собеседницей, действительно много. Это и время, прошедшее с первого звонка в скорую помощь 3 мая до даты 6 мая, когда бабушку положили в больницу. И ее долгий путь до палаты в Центре СПИД, когда пожилую пациентку с еще не подтвержденным тестом на коронавирус возили сначала, по словам внучки, «в онкологию, чтобы сделать компьютерную томографию, потом в больницу на 5 км, чтобы сделать тест, потом в городскую больницу № 1 и военный госпиталь, где ее принять отказались». И кислородная маска одна на двоих с соседкой по палате с подтвержденным диагнозом. И отказ медиков положить больную под аппарат ИВЛ, на чем неоднократно настаивала Алена Александровна. И наконец перипетии с тестированием, когда ей пришлось обзвонить все существующие горячие линии по коронавирусу, чтобы ей и мужу сделали тест. Этого удалось добиться лишь после звонка в ведомственную поликлинику (муж работает в полиции). Результаты, к счастью, оказавшиеся отрицательными, тоже пришлось узнавать самостоятельно, а четыре дня с момента проведения теста до появления результатов (с 6 по 10 мая) муж продолжал ходить на работу.

Вызывает недоумение потеря документов, с которыми Елена Андреевна поступила в больницу: 19 мая их искали целый день и только вечером выдали в отделении реанимации городской больницы № 1, куда бабушка поступила 17 мая, в последний день своей жизни. Наконец Алене Александровне 20 мая оказалось не так просто получить справку о смерти бабушки. Она рассказала, что хотя накануне созванивалась с патологоанатомом, и он говорил с ней корректно, при встрече вел себя совсем по-другому: нервничал, хлопал дверью, сказал, что раз обратились в СМИ и к следователям, придется ждать 30 дней, пока проверка не закончится. И только после

того, как Алена Александровна пообещала, что обратится в прокуратуру с просьбой провести независимую экспертизу, справку ей выдал. «Меня поразило, что врач, работающий в «красной зоне», общается со мной напрямую, одет он был в обычный больничный халат, на нем был одноразовая маска. Так просто все! Теперь мне страшно, что я могла там заразиться», – говорит Алена Александровна. (А вот самих медиков, не избалованных обилием современных защитных костюмов, это уже не поражает. Впрочем, об этом дальше. – **Авт.**).

Вся эта история, повторюсь, вызывает много вопросов, но, прежде чем делать окончательные выводы, следует дождаться результатов следствия, начатого по этому делу следственным управлением СКР (Следственного комитета) по Камчатскому краю.

А пока давайте посмотрим на ситуацию глазами другого человека и зададимся вопросом: можно ли во всем происходящем винить одних только медиков? Елена Андреевна лежала в Центре СПИД в мае, там же в апреле в течение двенадцати дней проходил лечение камчатский предприниматель и журналист Александр Иванов, которому диагностировали коронавирус. Сотрудники газеты «Вести» выходили с ним на связь после того, как он попал в больницу. (Рассказ Александра о первых днях болезни вошел в публикацию «Экзамен на коронавирус оказался не по плечу» в № 11.) После выздоровления он написал о своих впечатлениях подробный материал. Есть в нем следующее наблюдение: «Здесь остановлюсь на участии врачей. По домам больных пациентов они ходят в обычных масках и перчатках. Вот и вся их защита. Во-первых, они сами подвергаются риску заражения, ну а, во-вторых, могут быть переносчиками. И вот за эти риски врач получает совсем небольшие деньги. Это, по моему убеждению, несправедливость и препятствие на пути развития современной и качественной медицины. Государственным чиновникам нельзя бесконечно спекулировать на патриотизме, гордости за профессию и чувстве долга. Что можно требовать от медсестры, работающей на двух ставках и получающей зарплату в 60 000 рублей? Для сравнения возьмите труд какого-нибудь ушлого, но бесполезного для общества депутата, работающего на освобожденной основе, и увидите разницу в несколько раз. Кто для нас важнее?» Вот еще: «Что касается врачей, то они сегодня, как солдаты на войне, причем на передовой. Работают круглосуточно, некоторые спят в вагончиках рядом со стационаром. Ходят в противочумных костюмах по 12 часов. Говорят, что костюмы их защищают. Хотя я не уверен. Уже ведь прошла информация, что у нас больше 20 заболевших – медики. Но если врачам и медсестрам Путин с Солодовым обещали добавить зарплату, то как быть кастеляншам, уборщицам, буфетчицам, которые к медперсоналу не относятся? Они моют, стирают, разносят еду, то есть постоянно находятся с инфицированными в самой опасной зоне. В Центре СПИД, кстати, во внутренних помещениях идеальная чистота. Ее обеспечивают люди, которые не считаются медперсоналом. Я им очень признателен, впрочем, как и медикам».

Теперь о врачах, фельдшерах и медсестрах. Что мы можем им предъявить, если еще до объявления пандемии коронавируса ни для кого не было секретом, что больницы Камчатского края недоукомплектованы кадрами, а медицинские профессии традиционно значатся среди самых востребованных в регионе? Тем, кто уже и так работал «за себя и за того парня», сейчас, на пике заболеваемости, пришлось трудиться в экстремальных условиях, зачастую не имея нормальных защитных костюмов. «Костюмы очень хлипкие: зацепился за что-то, не так сел – и он порвался, а замены нет. А нам приходится часами иметь дело с «ковидными» больными. Что делать? Вот мы и штопаем эти костюмы», – облетело камчатские СМИ высказывание сотрудников станции скорой помощи Петропавловска-Камчатского на условиях анонимности. 22 мая врио министра здравоохранения Камчатского края признала, что на станции скорой помощи появился «вспышечный очаг». «Я считаю, что там есть определенная недоработка тех специалистов, которые должны отвечать за безопасность медиков и всех сотрудников», – сказала она. Врио заместителя председателя Правительства Камчатского края Роман Василевский на официальном сайте Правительства Камчатского края сообщил, что на станции скорой помощи краевого центра на утро 22 мая были отстранены от работы 50 сотрудников. У 38 человек коронавирус уже официально подтвержден, из них 18 водителей. «Несмотря на текущую ситуацию служба скорой медицинской помощи в Петропавловске-Камчатском продолжит свою деятельность в обычном режиме», – добавил Василевский. Как можно продолжать работать в штатном режиме, оставшись в разгар пандемии без пятидесяти сотрудников, мне лично представить трудно, особенно в свете размещенной на сайте ГБУЗ КК «Петропавловск-Камчатская городская станция скорой медицинской помощи» информации о том, что учреждение располагало 18-ю выездными бригадами. По существующим нормативам в выездной бригаде «скорой», помимо водителя, должны быть, как минимум, два медика. Очевидно, что восполнить кадровый запас быстро просто нереально.

К сожалению, до главного врача указанной станции скорой помощи Игоря Байкалова дозвониться по телефону, указанному на сайте учреждения, не удалось, а в приемной станции секретарь Елена Юрьевна пояснила, что главный врач комментариев не дает.

Врио министра здравоохранения Камчатского края Елена Сорокина трубку взяла, но комментировать ситуацию по телефону отказалась, сославшись на то, что не знает, с кем разговаривает, хотя корреспондент назвал свое имя и редакцию газеты. Это вызывает, мягко говоря, недоумение: у Елены Николаевны есть телефон главного редактора газеты «Вести», по которому она может позвонить сама или поручить сделать это своим помощникам и убедиться, что назвавшийся сотрудник действительно работает в редакции и действительно ей звонил. Во-вторых, корреспондент перечислил вопросы, которые его интересуют: сколько человек работает в данное время на станции скорой помощи, сколько из них заразились коронавирусом и сколько человек должны работать согласно штатному расписанию? Даже если врио министра не уверена в том, что разговаривает действительно с корреспондентом, что, скажите, секретного в

запрашиваемой информации? Какую тайну она составляет?

Но нет, Елена Николаевна объяснила, что готова ответить только на официальный письменный запрос. Это «коронный» ответ всех чиновников Минздрава, знакомый еще по подготовке прежних публикаций и идущий вразрез со ст. 39 закона РФ «О средствах массовой информации», где указано, что запрос информации возможен как в устной, так и в письменной форме.

В отсутствие понимания со стороны руководителя краевого Минздрава осталось обратиться к информации, озвученной в СМИ о том, что на станции скорой помощи в разгар пандемии осталось десять машин скорой помощи при 200 вызовах в сутки. Одна бригада – это фельдшер и водитель, врачей практически нет. Людям приходится работать в авральном режиме на износ.

Крик души сотрудников «скорой» достиг ушей представителей власти: 25 мая вечером врио губернатора заявил о том, что отстранил от занимаемой должности главного врача станции скорой помощи Игоря Байкалова и поручил врио министра здравоохранения края подобрать кандидатуру нового руководителя, который сможет навести порядок. Причиной сложившейся провальной ситуации Владимир Солодов назвал «нарушения элементарных правил санитарной безопасности и разграничения потоков, грубые нарушения дисциплины. Среди заболевших всего две бригады работали с «ковидными» больными. Остальные обслуживали больных с другими диагнозами. Кроме того, на станции скорой помощи не был должным образом построен контроль выплат стимулирующего характера, которые полагаются врачам и водителям» (*цитата*). В этот день уже у 44 сотрудников «скорой» был подтвержден диагноз COVID-19, еще шесть ждали подтверждения.

В таком случае логично было бы уволить и Татьяну Рубан, главного врача городской больницы № 2 – учреждения, оскандалившегося после появления в соцсетях видеосообщения одной из пациенток, которая рассказала об острой нехватке лекарств. Тем более что пациентка оказалась не единственной недовольной. Владимир Солодов, комментируя происходящее, дополнил, что получил большое количество обращений по поводу ситуации с лекарствами в этой больнице. Напомним, что эти учреждения здравоохранения напрямую подчиняются Министерству здравоохранения края. Напрашивается следующий логический шаг в системе жестких мер: уволить того, кто непосредственно руководит краевым Минздравом – Елену Сорокину, демонстрирующую поразительную беспомощность в управлении таким сложным министерством, особенно в условиях пандемии.

На мой взгляд, медики и обслуживающий персонал больниц, где проходит лечение «ковидные» больные, стали такими же заложниками ситуации, как пациенты с коронавирусом. В условиях, когда не хватает лекарств, средств защиты, поток больных ежедневно нарастает, людям приходится работать в экстремальном режиме. Но по природе своей человек, а врачи и медсестры такие же люди, долго выдерживать экстрим не может. Срывы в накаленной ситуации неизбежны, и искать виноватых среди медработников – не самый лучший путь, хотя и самый удобный. Истоки гораздо глубже: они в самой организации системы здравоохранения, проблемы которой не решались годами, а теперь, в разгар пандемии, проявились во всей красе.

Люди столкнулись не только с проблемами в получении качественного лечения, но и с организацией похорон родственников, умерших от COVID-19. 25 мая от коронавируса скончался восьмой человек. Напомним, что первый летальный случай был зарегистрирован 12 мая. Через пять дней погибла вторая пациентка – пожилая женщина 1939 года рождения, о которой мы сообщали выше. С трудом получив справку о смерти бабушки, внучка тут же столкнулась с другой проблемой: как хоронить? С местом на кладбище и покупкой ритуальных принадлежностей проблем не возникло, но вот в остальном... «Я задала свой вопрос о захоронении 21 мая в ходе прямой линии нашему министру здравоохранения Е.Н. Сорокиной. И услышала то же самое, что мне уже говорил патологоанатом в елизовской больнице: хоронить нужно в закрытом гробу, прощание устраивать нельзя, родственников должно быть мало, к гробу, даже закрытому, подходить нельзя. Уже после того, как пройдет захоронение, можно подойти положить цветы на могилу. В морге мне еще объяснили, что в катафалке находиться тоже нельзя. Но меня интересовало еще и другое: кто именно будет хоронить? Как я понимаю, должна быть бригада специальных рабочих, возможно, в защитных костюмах, тех, кто будет нести гроб, везти его в катафалке, опускать в могилу, засыпать. Где взять таких людей? Об этом из ответа министра я так и не узнала», – рассказала Алена Александровна. Накануне у нее состоялся неприятный разговор в ритуальном агентстве, в котором прямо заявили: «Ищите своих людей, кто будет хоронить. Наши рабочие боятся». Правда, 26 мая утром рабочих все-таки нашли, но, как сказала Алена Александровна, «я поняла, что у нас порядок захоронения людей, умерших от коронавируса, еще толком не разработан».

Этот вопрос руководитель краевого Минздрава Елена Сорокина автору публикации, увы, прояснить отказалась.

26 мая, во время подготовки публикации к печати, по информации, размещенной на сайте Правительства Камчатского края, количество заболевших коронавирусом

увеличилось на 20 человек и составило 678. Шестнадцать пациентов выздоровели за истекшие сутки, а в стационары за это же время поступили 26 новых больных. Новых летальных исходов, по счастью, зарегистрировано не было.

Наталья МАКСИМИШИНА